

³⁰ Там же. С. 236.

³¹ ГВНП. М.; Л., 1949. С. 9, 11, 12, 15, 17, 20, 21, 24, 27, 29.

³² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 108–109.

³³ НПЛ. С. 40.

³⁴ Там же. С. 44.

Т. МАНУСАДЖЯНАС

ПОНЯТИЕ «ОТЧИНЫ» В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ МЕЖДУ НОВГОРОДОМ И МОСКВОЙ*

Идейно-политическая борьба между Новгородом и Москвой представляет особый интерес в свете понятия «отчины»**. По возвращении Никиты Ларионова из Москвы, в Новгороде поднялись внутренние волнения, ранее нами названные «кризисом отчины». Об этом кризисе упоминается лишь в одной группе источников – официальных московских летописях. Их рассказ носит исчерпывающий характер, в них представлена точка зрения воевавших в Новгороде группировок, и точка зрения великого князя московского. Хотелось бы подробнее остановиться на настоящих данных.

Ответ Ивана III новгородскому послу Никите Ларионову, после оглашения которого и возник в Новгороде данный кризис, был таков: *«Что отчина моя, Великий Новъгород, прислали ко мнѣ бити челомъ [...] и язѣ их, князь великий, и жалую и того нареченного Феофила, и велю быти к собѣ на Москву и къ отцу своему митрополиту Филиппу, стати на архиепископю Новагорода и Пьскова безо всяких зацеповъ (зацепок. – Моск. лет. свод.), но по прежнему обычаю, какъ было при отцы моемъ, великомъ князи Василье, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ моемъ, и прежде бывшихъ всѣхъ великихъ князеи, ихъ же родъ есмы, Володимерскихъ и Новагорода Великаго и всея Руси».*

После того пролитовская группировка провозгласила свою программу: *«Не хотимъ за великого князя, ни зватися вотчиною его; волные есмя люди Великий Новъгородъ, а московский князь великий многи обиды*

* Статья публикуется в авторском варианте оформления. Перевод с литовского Э. Бурнейкене.

** Подробнее об этом см.: Манусаджянас Т. Новгород на политическом перекрестке в 1470–1471 гг. // ПИР. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 215–231. (Ред.).

и неправду над нами чинит, но хотимъ за короля полского и великого князя литовского за Казимера».

Она была встречена бурным протестом со стороны промосковски настроенных новгородцев: *«Не лзе, брате, тому тако быти, яко же глаголате [...] а из начала отчина есмы тѣх великих князеи от пѣрваго великаго князя нашего Рюрика [...] И от того святаго великаго князя Владимира да иже и до сего господина нашего великого князя Ивана Василевича за Латиною есмя не бывали и архиепископа от них не поставляли себѣ».*

В русской советской историографии возникновение «кризиса отчины» обычно трактуется следующим образом: Иван III при ответе Никите Ларионову по отношению к Новгороду употребил термин «отчина моя», а новгородцы это приняли как покушение на независимость Новгорода, что повлекло за собой расторжение мирных отношений Новгорода с Москвой, и они решили вступить в переговоры с Литвой.

Г. Конесцпу, опираясь на Н. Костомарова, акцентирует внимание на том, что новгородцы отказывались признавать себя отчиной великого князя московского и утверждали, что они являются вольными людьми.

На первый взгляд кажется, что такая интерпретация гармонична и все объясняет. Материал договоров между Новгородом и великими князьями как бы и подтверждает ее. В тексте Яжелбицкого договора (и в текстах ранних договоров Новгорода с великими князьями владимирскими) Новгород не именуется отчиной великих князей, впервые такое определение используется в Коростынском договоре.

В договоре между Новгородом и Псковом с епископом Юрьевским, подписанном 13 января 1474 г., Новгород вместе с Псковом также именуется отчиной великих князей московских. Следовательно, можно предполагать, что Новгород в действительности лишь с 1471 г. признал себя отчиной великих князей.

Однако, даже поверхностное ознакомление с другими источниками заставляет усомниться относительно данного предположения. Обратимся к НПЛ, Летописи Авраамки и памятникам канонического права. НПЛ (ранняя редакция которой завершается 1352 г., а более поздняя — 1447 г.) несколько раз указывает на то, что новгородцы называли Новгород отчиной какого-либо князя или какой-либо князь называл Новгород своей отчиной.

Мстислав Мстиславович в 1209 г. называет Новгород своей отчиной; в 1215 г. новгородцы приглашают Ярослава Всеволодовича прибыть *«въ свою отчину къ святѣи Софии»*; в 1270 г. Василий Ярославич (хотя и не будучи великим князем новгородским) называет Новгород *«своей*

отчиной». В 1348 г. новгородцы приглашают великого князя московско-го/владимирского Семена Ивановича Гордого на помощь против короля Швеции Магнуса: *«поиди, господине, к нам оборонять своея отчины»*.

В Летописи Авраамки, которая не отличалась симпатиями к Москве, при описании событий 1640 г., утверждается: *«...при ѿхальъ благовѣрный князь великий Василей Васильевичъ Володимирьскіи и Московьскый и Новгородчкый и всея Руси [...] въ свою отчину въ Великий Новгородъ...»*.

Канонические источники также подтверждают использование понятия отчины великого князя по отношению к Новгороду еще до 1471 г. – Новгород называли отчиной великого князя (московского) митрополиты московские Иона и Филипп в письмах к архиепископу и новгородцам в 1452–1453 гг., 1448–1458 гг., 1462–1464 гг. и 1467 г. Также и великий князь московский Иван III в письме к архиепископу Ионе и новгородцам (датируется письмо 1465–1470 гг., следовательно, оно написано до начала «кризиса отчины», возникшего уже после смерти Ионы) называет Новгород своей отчиной (*«отчины своея»*). Таким образом, можно утверждать то, что новгородцы восприняли использовавшийся великим князем термин «моя отчина» как покушение на самостоятельность Новгорода безосновательно. На это указывает и позиция пролитовской группировки: *«мы не желаем называться его (великого князя Московского) отчиной»*, а не *«мы не его отчина»*, как утверждают Н. Костомаров и Ф. Конесцэу.

И все-таки проблема отчины имела место; это подтверждается и тем, как много внимания уделялось данному вопросу официальным летописцем московским, который во многих местах передает аргументы Ивана III и указанных нами группировок новгородцев. Автор предполагает, что для проблемы отчины можно найти иной способ объяснения. Нельзя ли предположить, что мы здесь сталкиваемся с различной трактовкой понятия отчины в Москве и Новгороде? Далее мы попытаемся выяснить, какое понятие вкладывалось в слово отчина в Москве и в Новгороде, – понималось ли оно одинаково или по-разному, и, если по-разному, то в чем разница. Похоже, что источники позволяют не только выявить проблему, но и выдвинуть гипотезы.

Попробуем рассмотреть, как могла быть понята отчина в Новгороде. Очень интересным является один момент: Мстислав Мстиславич называет Новгород своей отчиной еще до того, как стал князем новгородским, а покидая Новгород по своей воле в 1215 г., заявляет новгородцам: *«вы вольни в князыхъ»*, т.е. вы имеете право выбора князя. Возникает вопрос, как следует понимать, что князь считает Новгород своей отчиной

и одновременно признает право свободного выбора князей новгородских?

Под определением «отчина» принято понимать унаследованное владение. И.И. Срезневским наряду со значением *«владение, перешедшее от отца, от предков, наследственное»*, указывается и значение *«отцовское, родовое владение»*.

Имея в виду значение «владения родни», убедительным объяснением могло бы быть предположение, что Новгород признавал себя отчиной всех Рюриковичей; возможно, не случайно Москва также начинает свою аргументацию с Рюрика (см. ниже). Такое предположение позволило бы объяснить, почему Мстислав Мстиславич в 1209 г., а Василий Ярославич в 1270 г. называют Новгород своей отчиной (т.е. как бы земель рода своих отцов), даже не будучи князьями новгородскими. Однако нельзя игнорировать и значение «отцовское владение», ведь отцы обоих вышеупомянутых князей ранее являлись князьями новгородскими. Возможно, что на престол Новгорода могли претендовать (или имели более весомые основания для таких претензий) те Рюриковичи, отцы которых ранее восседали на престоле Новгорода. Они новгородскую отчину могли понимать не только как землю рода своих отцов, но и как землю, которой управлял его отец.

Как в первом, так и во втором случае имеем дело не с классическим значением отчины (которой характерен аспект наследственности); хорошо известно, что Новгород в домонгольский период обладал правом свободного выбора князя, а это никак не сочетается с престолонаследием в Новгороде. Можно предположить, что Рюриковичи имели право на престол Новгорода лишь как право на землю рода своих отцов/ или отца (это право и могло быть выражено понятием отчины), однако князя выбирали сами новгородцы. Что же произошло со свободой выбора князя позднее? Как уже говорилось, после того, как Новгород попал под власть монголо-татар, данное право фактически было опровергнуто. Ведь Новгород обязан был платить в пользу орды «черный бор» а собирать его обязан был великий князь владимирский. Таким образом, престол Новгорода был «связан» окончательно с владимирским престолом.

Фактически, у новгородцев была в некоторой степени возможность выбирать князя лишь в те короткие периоды, когда происходила борьба за титул великого князя владимирского. После окончательного укрепления позиций Москвы во Владимире этот «канал» в XV в. также закрылся. Здесь следует иметь в виду, что во второй четверти XV в. началась внутренняя война за титул великого князя московского; Новгород как бы вновь мог выбирать, однако, по сравнению с домонголь-

ским периодом, в обоих случаях ситуация выбора являлась очень узкой, ограниченной и временной. Новгород в XV в. по сути признавал того князя, который являлся великим князем владимирским, т.е. великого князя московского (или претендующего на этот титул, как показывает пример Дмитрия Шемяки).

Если Новгород в действительности лишился права выбора князя, то осталось ли такое право в политической теории? В Москве могли и «забыть» о нем. Однако, «забыли» ли об этом праве в самом Новгороде?

В.Л. Янин сталкивает принцип выбора князя (*«вольность в князьхъ»*) и принцип суверенитета великого князя (Владимира. — *Т.М.*). Фактически, указанные принципы по сути являются взаимоисключающими. Однако, отказался ли Новгород теоретически от своей *«вольности в князьхъ»*, принимая принцип суверенитета великого князя владимирского? Возможно, принцип суверенитета великого князя Новгородом считался лишь принципом выбора. Словом, вполне возможно, что новгородцы, учитывая изменившиеся в неблагоприятную сторону обстоятельства (возникновение вассальной зависимости в отношениях с Золотой Ордой, положение великого князя Владимирского в качестве «наместника» Золотой Орды), решили, формально не отказываясь от своей свободы выбрать князя, в реальности ограничить эту свободу и автоматически выбирать того князя, который от Орды получит ханский ярлык, утверждающий его на великое княжение. Такое предположение подтверждалось бы следующим:

1) ритуал возведения великого князя на новгородский княжеский престол сохранился и в послемонгольский период; напр.: 1265, 1307, 1329, 1346 гг.;

2) новгородцы считали, что лишь после восхождения на престол в Новгороде князь обретал право действовать в качестве князя новгородского;

3) с конца XV в. Новгород начали официально именовать «Великим Новгородом», что по иерархии ставило его на одну ступень с великим князем;

4) Новгород считали «господином» так же как и великого князя — и этот факт символизировал равенство сторон. Кроме того, Новгород еще считали и «государем». По отношению к великому князю Новгородскому это понятие не применялось (такое употребление во всей остроте проявилось во время конфликта 1477–1478 г.). Таким образом, по мнению новгородцев, истинным сувереном был Великий Новгород. Такое понимание позволяет делать вывод о том, что верховное право Новгорода выбирать князя должно было сохраниться хотя бы формально.

Автор не претендует на окончательное решение по данному вопросу, однако думается, что такая возможность весьма вероятна. Ее подтверждает и само развитие событий – ведь новгородцы открыто поднимали вопрос о суверене, и в Новгороде, по всей видимости, постановка такого вопроса не считалась противоестественной и незаконной. Обсудив все обстоятельства, можно утверждать, что старое понимание отчины Рюриковичей сохранилось в Новгороде и в XV в.

Возможность существования такого новгородского понятия отчины Рюриковичей подтверждается и позицией промосковской группировки: *«а из начала отчина есмы тѣх великих князеи от първаго великого князя нашего Рюрика»*; говорится не *его*, *моя*, *твоя*, *Ивана Васильевича отчина* (что характерно для московского употребления), но *отчина тех великих князей*, видимо, имея в виду всю княжескую династию Рюриковичей. Кроме того, согласно мнению сторонников промосковской ориентации, Казимира признавать нельзя, так как раньше Новгород не был во власти «латынян»; Новгород всегда признавал православных правителей, а в тех условиях таковыми могли быть лишь Рюриковичи.

Данное предполагаемое новгородское понятие отчины можно основывать и на утверждении самого Ивана III о том, что новгородцы всегда были верны роду великих князей: *«...от Рюрика [...] отступали за иного государя; а от Володимера да иже и до сего дни его род знали единѣ»*. Это означало бы, что Москва должна была смириться с принятыми в Новгороде понятиями, однако это еще не означает, что Иван III не стремился навязать Новгороду свое понятие отчины, что и увидим далее.

Другой вопрос, позволяла ли традиция выбирать князей не из рода Рюриковичей? Скорее всего, это не было строго определено, так как такой вопрос вряд ли мог возникнуть при таком числе Рюриковичей, из которых можно было выбирать. Все же, видимо, какой-то принцип выбора существовал.

Об этом можно судить, имея в виду то, что промосковская группировка акцентировала отсутствие прецедента, когда в правителях был бы кто-либо из «латынян».

Между тем, какой смысл в отношениях с Новгородом вкладывала в понятие «отчины» Москва? Иван III в широко известном ответе Никите Ларионову не объяснял понятия «моя отчина» – речь шла о рукоположении архиепископа.

Настаивая на том, чтобы рукоположение происходила в Москве, великий князь московский лишь подчеркивает, что он происходит из рода великих князей владимирских, Великого Новгорода и всей Руси.

Уже позднее, узнав о переговорах Новгорода с Казимиром, Иван III

послал в Новгород посла, который подробно изложил его аргументы: *«Отчина моя есть люди наоугородстии, изначала от дѣд и от прадед наших, от великого князя Володимера, крестившаго землю Рускую, от правнука Рюрика, первого великого князя в земли вашей. И от того Рюрика да иже и до сего дни знали есте единъ родъ тѣхъ великихъ князей, прежде Киевскихъ, до великого князя Дмитрея Юревича Всеволода Володимерскаго. А от того великого князя, да иже и до мене, род ихъ, мы владеемъ вами и жалуемъ васъ и боронимъ отовѣселе, а изказнити волны есмы, коли на насъ не по старинѣ смотритъ почнетъ. А за королемъ ни которымъ, ни за великимъ княземъ литовскимъ не бывали есте, какъ и земля ваша стала».*

Точка зрения Москвы дополняется подробным (вторым) письмом митрополита Филиппа новгородцам. Филипп называет Ивана III «господином, вотчинником и наследником» новгородцев (*«вашего господина, отчича и дѣдича»*), также акцентирует, что Иван III, как и его предки, Великий Новгород *«жаловалъ и въ старинѣ держалъ по докончанію»*. В словаре И.И. Срезневского понятия *«отчичъ»*, *«вотчичъ»* и *«дѣдичъ»* однозначно связываются с унаследованием по линии отца или деда.

Существенными моментами московской точки зрения представляются следующие:

- **Понятие оказания милости.** По мнению Москвы, основой договорных отношений Новгорода и Москвы являлось не двустороннее соглашение, а предоставляемая Москвой милость Новгороду.

- **Право наказывать новгородцев.** Великий князь Московский считает, что он имеет право наказывать новгородцев в том случае, если они начнут *смотреть на него не по старине* (можно предположить, что это означает: если более не будут признавать суверенитета великого князя Московского). Это означало бы, что Москва не признала право выбора князя новгородского.

- **Употребление понятий «вотчинник» и «наследник»** (*«отчичъ»* и *«дѣдичъ»*), полагается, можно связать с точкой зрения Москвы на новгородский престол как на унаследованный (указанное связывается с вышеговоренным «правом наказывать»).

Таким образом, есть основание утверждать, что Москва выдвинула свою концепцию отчины, которая не совпадала с новгородской. Москва акцентировала личный аспект, т.е., не признавая права выбора суверена, пыталась укрепить свои наследуемые права по отношению к Новгороду. Следовательно, описанный в Московском летописном своде XV в. «клубок противоречий» – «кризис отчины» – можно было бы рассматривать следующим образом.

Иван III при ответе новгородскому послу Никите Ларионову назвал Новгород *«отчина моя»*. Само применение понятия «отчины» для Новгорода являлось привычным явлением, однако, вероятнее всего, оно по-разному понималось в Москве и Новгороде, и это вызывало противоречия.

В Новгороде отчина, вероятно, понималась как отчина Рюриковичей. Иначе говоря, считалось, что Новгород является землей, управляемой династией Рюриковичей, и Рюриковичи имеют право становиться князьями новгородскими. Можно предположить, что другие династии (в том числе и Гедиминовичи) не обладали этим правом. Важно то, что новгородцы, по-видимому, считали, что Новгород является верховным сувереном и имеет право выбирать своего князя. Таким образом, вполне возможно, что новгородское понятие отчины вовсе не означало наследственности великого князя по отношению к Новгороду.

Однако, по мнению Москвы, Новгород был отчиной великого князя московского, в данном случае Ивана III; фактически, это было наследуемое владение без права выбора другого правителя. Указанный акцентируемый Москвой аспект «личной» отчины особенно явно был ошутим в более поздней позиции посольства Ивана III.

Объединив данное обобщение проблемы отчины с вышеоговоренными внутренними противоречиями Новгорода, перед нами предстает такая картина. В самом Новгороде вопрос об отчине возник в совершенно другом плане – в плане судьбы самого принципа отчины Рюриковичей. Пролитовская группировка предложила полностью отказаться от статуса «отчины Рюриковичей» и перейти во власть другой династии. Таким образом, пролитовская группировка стремилась восстановить «приостановленное» право выбора князя (т.е. суверена) и одновременно отказаться от традиционного принципа «отчины» Рюриковичей (который в то время стал слишком удобным для Москвы). Иначе говоря, сторонники пролитовской ориентации предлагали отдать приоритет восстановлению давно реально не применяемого права вместо традиционного принципа отчины. Это могло быть аргументировано и тем, что если Новгород пригласил Рюрика, то может пригласить и князя другой династии; иначе говоря, мог быть выдвинут принцип приоритета Новгорода против династии.

Позицию промосковской группировки можно трактовать следующим образом: Казимира признавать нельзя, потому что новгородцы являются отчиной Рюриковичей, а Казимир – не Рюрикович, кроме того, «латынянин». Таким образом, промосковская группировка решительно выступила за сохранение принципа «отчины» Рюриковичей и против признания

в качестве суверена Новгорода властителя из другой династии; тем самым она выступила против использования его в реальности и против распространения принципа выбора суверена.

После победы пролитовской группировки в Новгороде было начато воплощение в жизнь ее программы – Новгород отказался от статуса отчины Рюриковичей и решил признать сувереном представителя династии Гедиминовичей Казимира. Однако Новгород после поражения в войне 1471 г. был вынужден вновь признать себя отчиной Ивана III, и не только в новгородском понимании отчины Рюриковичей, но и в московском. Такое положение было закреплено Коростынским договором: «...*за короля и за великого князя литовского, хто король или великий князь на Литвѣ ни буди, отъ васъ, отъ великихъ князей, намъ, **вашей отчинѣ** Великому Новугороду, мужемъ вол[б]нымъ не отдатися нікотою хитростю, а быти намъ отъ васъ, отъ великихъ князей, неотступнымъ ни х кому*».

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889.

АИ. Т. 1. СПб., 1841.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

Никаноровская летопись. Сокращенный летописный свод 1493 года // ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962.

НПЛ. М.; Л., 1950.

Новгородская четвертая летопись (Строевский список) // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. II. Л., 1925.

Псковская третья летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. II.

РИБ. Т. 4: Памятники древнерусского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.). СПб., 1880.

Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.

Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 31. Пг., 1921.

Литература

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Kopieczny F. Litwa a Moskwa w latach 1449–1492 // *Dziejywo Rosji*. T. II. Wilno, 1929.

Ю.В. Кошельков

СТАНОВЛЕНИЕ РОЗЫСКНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI в.

С конца XV в. расследование некоторых уголовных преступлений в Московском государстве начинает проводиться розыскным (инквизиционным, следственным) процессом или сыском. В отличие от обвинительного (состязательного) процесса, истцом здесь является само государство, дело возбуждается независимо от желания потерпевшего и не может быть прекращено за примирением сторон; запрещается самосуд; при расследовании обязательно проведение повального обыска, по результатам которого подозреваемый может быть подвергнут пытке. Историки права усматривают некоторые начала розыскного процесса уже в Псковской судной грамоте, по которой в делах об убийстве, «бое», «коневой татьбе», «зажигательству» и некоторым другим преступлениям суд может начаться и без предъявления иска¹. В.Н. Латкин обращает также внимание на изменившийся состав свидетелей в Псковской судной грамоте: наряду с «послухами» – свидетелями доброй славы ответчика, появляются «сторонние люди»². Однако о полноценном розыском процессе можно говорить лишь с конца XV в., так как впервые применение пытки и проведение повального обыска было предусмотрено Судебником 1497 г.

До сих пор основное внимание в историко-правовой литературе уделялось политическому сыску по государственным преступлениям. Малоизученным остается сыск и судопроизводство по общеуголовным преступлениям (против жизни, здоровья и имущества), а так же обстоятельства и причины, обусловившие введение средств дознания розыскного процесса в практику расследования уголовных преступлений. Недостаточно изучена судебно-следственная деятельность наместников и органов общинного самоуправления в сфере уголовной юстиции до начала губной реформы.